

Веронезе.
Тайная вечеря.
Храм Сан-Дзаниполо.

В том же соборе внимание Караваджо привлекло монументальное полотно Веронезе, только что скончавшегося в ночь на 19 апреля 1588 года сразу после Пасхи, которая в тот год выдалась непривычно холодной и дождливой. Ему пришлось вместе с Петерцано отстоять панихиду в церкви Сан-Себастьяно рядом с морским портом, где великий мастер нашёл своё последнее упокоение. Петерцано, лично знавший покойного и высоко ценивший его благородное искусство, убивался особенно сильно. Знакомые венецианцы, которые горько скорбели по поводу кончины славного художника, рассказали, что несмотря на возраст мастер принял участие в крестном ходе, во время которого сильно продрог, что и явилось причиной скоропостижной смерти. После панихиды друзья, собравшиеся в трактире помянуть покойного, вдруг вспомнили одно событие пятнадцатилетней давности, когда неожиданно для всех Веронезе сделался объектом пристального внимания со стороны инквизиции. 20 апреля 1573 года им была закончена картина «Тайная вечеря» для трапезной при храме Сан-Дзаниполо вместо сгоревшей там при пожаре одноименной картины Тициана, который, сославшись на занятость, отказался повторить утраченное. Дата окончания работы Веронезе обозначена с обеих сторон основания рисованной балюстрады, обрамляющей

картину, которая разделена на три части великолепными арками в духе архитектурных студий Сансовино и Палладио.

Это было большое событие в жизни города, и сотни венецианцев устремились в собор, прослышав о том, что церковники бросают на картину косые взгляды, а над головой известного мастера сгущаются тучи. Действительно, слух о новой картине Веронезе, который вольно обращается с евангельским сюжетом, дошёл до Рима и через три месяца художник был вызван для дачи показаний в суд. Главным инквизитором Венеции был тогда энергичный кардинал Феличе Перетти, будущий римский папа Сикст V, сын простого крестьянина из Анконской марки. Сохранился протокол судебного заседания, в ходе которого художник был подвергнут допросу с пристрастием.

Стоит привести выдержки из вопросов судьи и ответы на них мастера. Из этого любопытного документа явствует, сколь жёстким был контроль церкви и оказываемое ею давление даже в Венеции, где художники всегда пользовались независимостью и откуда в своё время был с треском выдворен под напором общественного мнения прибывший туда для наведения порядка сам Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов.

«Сего 18-го дня июля месяца 1573 года, в субботу. Представ перед священным трибуналом инквизиции Паоло Кальяри из Вероны, проживающий в приходе Сан-Самуэле, дал следующие показания:

Инквизитор: Вам известно, по какой причине вас сюда позвали?

Веронезе: Благочестивый настоятель храма Сан-Дзаниполо, имени которого я не знаю, сообщил мне на днях, что ваше преподобие пожелало, чтобы на моей картине вместо сидящей около стола собаки я нарисовал коленопреклонённую Магдалину. Я охотно выполнил бы это и многие другие требования, но мне кажется, что Магдалина там будет неуместна. Ведь чтобы омыть ноги Господу Нашему, ей пришлось бы засунуть голову под скатерть.

Инквизитор: А что изображено на вашей картине?

Веронезе: Трапеза Иисуса Христа с апостолами.

Инквизитор: А что значит нарисованный человек с окровавленным носом?

Веронезе: Это слуга, ему дали подзатыльник — такая с ним случилась неприятность.

Инквизитор: А что означают эти люди, вооружённые алебардами и одетые, как немцы?

Веронезе: Об этом нужно сказать особо.

Инквизитор: Так говорите.

Веронезе: Мы, живописцы, пользуемся теми же вольностями, к которым прибегают поэты и умалишённые. Поэтому я изобразил двух вооружённых людей у лестницы: один из них ест на верхней ступени, а другой, стоящий ниже, пьёт. Это стражи, и мне казалось, что хозяин богатого дома должен иметь среди челяди таких охранников.

Инквизитор: А вот тот человек с попугаем в одежде шута. Его-то вы зачем нарисовали?

Веронезе: Ради украшения сцены.

Инквизитор: Кто сидит за столом?

Веронезе: Христос с апостолами. Но если в моих картинах остаётся место, то я, следуя своей фантазии, рисую и другие фигуры, но всех их теперь не упомяну.

Инквизитор: Чем занят святой Пётр, сидящий первым?

Веронезе: Он разрезает на части ягнёнка, чтобы передать на другую сторону стола.

Инквизитор: Что делает следующий за ним?

Веронезе: Он держит блюдо, чтобы положить на него то, что даёт ему святой Пётр.

Инквизитор: А чем у вас занят третий?

Веронезе: Он чистит зубы вилкой.

Инквизитор: Кто-нибудь заказывал вам писать немцев, шутов и другие подобные фигуры на картине?

Веронезе: Нет, но мне было позволено украсить её так, как я сочту нужным. Картина велика и может вместить много самых разных фигур.

Инквизитор: Вам известно, что в Германии и других землях, заражённых ересью, художники, используя живопись и рисунки, наносят вред нашей святой церкви, внушая глупым людям мерзкие мысли?

Веронезе: Я это знаю, ваше преподобие, и настаиваю, что, рисуя "Тайную вечерю", я искренне следовал традициям великих.

Инквизитор: А что сотворили эти ваши великие?

Веронезе: В Риме, в папской капелле, Микеланджело изобразил обнажённого Христа, святого Петра и всех других небожителей нагими, представив их в самых разных позах.

Инквизитор: Так вы и впрямь не понимаете, что при изображении Страшного суда нет смысла рисовать одежды? На этой фреске всё говорит лишь о духовном, в нём нет пяцев, собак, карликов, оруженосцев и прочих глупостей, как у вас. Неужели вы считаете достойным ссылаться на величайшее творение, лишь бы защитить свою "Вечерю"?

Веронезе: Я никого не хочу защищать, ваше преподобие, и рисую, как могу. Никак не думал, что карлик или два стражника могут вызвать такое смятение, тем более что они находятся в удалении от места святой трапезы.

Инквизитор: Ваши речи меня не убеждают. Святой трибунал осудил вас. Вам надлежит исправить все свои ошибки и переписать картину за собственный счёт в течение трёх месяцев».

Художник ничего не стал «исправлять» на огромном полотне размером 5,5х12,8 метра, дав ему лишь новое название «Тир в доме Левия», которое всех устроило, а дотошный дознаватель вскоре был отозван в Рим, где его ждали новые дела и назначения. Картина дошла до нас в своём первоизданном виде. На ней художник поместил и собственное изображение в нарядном зелёном камзоле. От всей его фигуры веет тем же достоинством и благородством, с каким он отстаивал свою правоту, хотя неглупый инквизитор не преминул укорить его в малодушии. И он был прав. Не стоило Веронезе в целях самозащиты ссылаться на фреску Микеланджело, тем более что к тому времени все обнажённые фигуры «Страшного суда» по решению Тридентского собора в 1563 году были уже «одеты». Узнав о распоряжении Павла IV закрасить наготу на фреске, Микеланджело промолвил: «Скажите папе, что это — дело пустяжное и удалить наготу легко. Пусть он мир приведёт в пристойный вид».

Александр Махов. Караваджо.

